

Он ходит так быстро, будто старается кого-то обогнать. Пока мы шли по коридорам Театра имени Ленинского комсомола, где работает Николай Караченцов, он успел поговорить с несколькими людьми, кому-то с чем-то поздравить, кому-то в чем-то отказать...

— Не мешает такой темп жизни? — Беседа еще не началась, и вопрос вполне уместен, так сказать, вопрос-пролог.

— Мешает? Скорее, даже помогает. Меня тревожит все более четко осознаваемое ощущение: как же мало времени человеку отпущено... Я составляю планы на день и нередко специально вписываю в свой ежедневник дел больше, чем физически могу успеть сделать. Появляется ненасытность жизнью. В свободную минуту пытаюсь играть в теннис, ходить в бассейн и смотреть, смотреть новые спектакли, фильмы. Вообще мне кажется, что человек подчас на само дело тратит времени меньше, чем на подготовку к нему. Можно много успеть за счет большей собранности, подвижности, не раскисаясь. И тогда получается! Невыполнимые планы выполняются!

— Вот мы и заговорили о работе. А какое качество профессионала Вы считаете самым важным?

— Наверное, очень важно чаще спрашивать себя: «Ради чего ты работаешь?» Мы говорим: текучка заедает. Что это значит? Мы забываем подчас свое высокое предназначение, начинаем работать по инерции, а не потому, что чувствуем необходимость своего дела для других.

Ради чего работает актер? Если после спектакля человек два часа ходил по городу, не находя себе места, а потом впервые за пять лет купил жене цветы, — значит, он открыл в себе что-то такое, о чем стал забывать. Ради такого открытия стоит работать.

А теперь можно ответить и на Ваш вопрос. Уверен: необходимое качество для любой профессии — одержимость.

Когда шли репетиции спектакля «Юнона и Авось», у нас по расписанию было две недели выходных. Участников спектакля вызвал наш главный режиссер Марк Захаров и сказал примерно следующее: «Мы в цейтноте. Эти две недели надо репетировать. Театр вам не сможет ни оплатить эти дни, ни дать за них отгулы. Кто останется?» Остались все. Все работали. И как работали! Забывали про

время, опаздывали к закрытию метро...

Знаете, бывает, актер жалуется: «Времени совсем нет, то кино, то телевидение, то радио, в театре — каждый вечер спектакль. Ох, как я устал! Ах, не хватает времени». Пижонит, врет! Рядом — десятки людей, которые мечтают о такой жизни. Пустота в профессии (думаю, не только в актерской), ничегонеделание, застой — самое страшное.

Николай КАРАЧЕНЦОВ:

ПОНИМАТЬ ЖИВУЩИХ РЯДОМ

— Но ведь актер не может сам предложить себе роль. Как быть, если не приглашают?

— А что можно поделать? В профессию актера входит понятие — уметь ждать, терпеливо ждать новой роли. Это трудно, многие разочаровываются. А можно и так жить, чтобы само ожидание на пользу пошло. Кажется, никому не пожелаешь кинематографической судьбы Л. Гурченко — семнадцать лет ожидания. Но сейчас я думаю: смогла бы она стать такой актрисой, какой мы видим ее сегодня, без этого ожидания? Не уверен. Актера часто видят глаза, он кого угодно может изображать, а в глазах — пустота. В глазах Гурченко есть истинная, человеческая боль, может быть, ее за это и любят режиссеры.

В каждой профессии свои трудности, я говорю об актерах, потому что мне это ближе. Но, мне кажется, чем бы ты ни занимался, бояться испытаний — значит, бояться жить. Не знаю, смог бы стать таким серьезным актером и режиссером Олег Ефремов, если бы не прошел все трудности становления театра «Современник». Помню премьеру одного из спектаклей «Большевики», на которой во многом решалась судьба те-

атра. Я не могу описать ту ярость, искренность и открытость, с которыми играли актеры. Спектакль кончался так: большевики шепотом поют «Интернационал»; зрительный зал был до такой степени наэлектризован, что едва раздалось первое слово «Интернационала» — все встало... Чего стоил этот спектакль Олегу Ефремову — знает, пожалуй, лишь он один.

— Значит, только трудно-

сти воспитывают человека, формируют его характер?

— Что такое трудности? Мы не в целлофане живем: постоянно приходится сталкиваться со многими проблемами и сложностями. Важно — бережет ли человек свою душу от ударов? Если бережет, значит, художником — в широком смысле слова — он стать не сможет. А для кого-то упавший рядом, совершенно чужой человек — причина для появления на сердце раны.

— Преодолеть трудности помогают старшие товарищи. Кто те люди, у кого Вы учились?

— Конечно, мама, с которой мы всегда были и остаемся друзьями. Конечно, друзья. Конечно, учителя в школе, а потом мои преподаватели в школе-студии МХАТ. А в театре? Я очень благодарен нашему главному режиссеру Марку Анатольевичу Захарову, каждая из постановок которого — школа мастерства. Но разве актеры, с которыми я рядом работаю, не учат меня? Мне кажется, это важно: не ощущать себя пупом Вселенной, а понимать, как много могут дать тебе живущие рядом.

Очень важна атмосфера, в которой человек работает. Репетировали однажды на ра-

дио: у моего коллеги что-то не выходит, режиссер на него кричит, ничего не объясняя, но кричит громко. Актер совсем отчаивается. В атмосфере недоброжелательности я, например, работать не могу. Думаю, что одно из серьезных достоинств нашего театра — его рабочая атмосфера. Это не значит, что мы всегда друг с другом согласны, что мы никогда не спорим с Марком Захаровым — спорим, не соглашаемся. Но

работать в нашем театре интересно.

— А в кино, наверное, Вам работать не хочется? Иначе чем объяснить, что Вы так мало снимаетесь?

— Мало? Если Вам интересно, я снялся более чем в 30 картинах. Другое дело, что помнятся немногие: «Старший сын», «Собака на сене», «Приключения Электроника»... Может, еще несколько.

— Недавно на телеэкранах прошел фильм «Трест, который лопнул». Судя по первым откликам, он вряд ли надолго запомнится зрителям. Сформулируем наш вопрос иначе: почему Вы довольно часто снимаетесь в фильмах, которые плохо запоминаются зрителями?

— Для меня главное: интересный сценарий, интересная роль, но только за свою работу я могу нести полную ответственность. Бывает так, что и сценарий приличный, и режиссер талантливый, и актеры интересные. А фильм не получился. Почему? Тысячи причин... И соглашусь я, как правило, сниматься не в тех фильмах, которые «обречены на успех», а в тех, где есть интересная для меня роль. Довольно незаметно прошел по экранам фильм «Товарищ Иннокентий», но там мне досталась трудная, но

интересная роль. И я до сих пор вспоминаю эту работу.

— Какая человеческая черта Ваших партнеров мешает Вам в работе?

— Я не судья своим коллегам, но могу сказать, что в принципе не приемлю в людях хамства. Я знаю некоторых актрис, которые, прежде чем выйти на съемочную площадку, со всеми переругаются: и гример у них ужасный — грим накладывать не умеет, и режиссер ничего объяснить не может, и партнеры не в форме... Понимаю, каждый по-своему настраивается на роль, наверное, кому-то лучше настраиваться так. Но все равно убежден: хамство — это предательство себя.

— В разговоре о профессии, о профессионализме, наверное, что-то важное мы позабыли, о чем-то необходимом я Вас не спросил?

— Об очень многом. Скажем, об ответственности человека за дело, которому служишь. Эта ответственность рождает боязнь сделать плохо. Я уже не первый год выхожу на сцену, но каждый раз боюсь сыграть плохо. Не было еще такого, чтобы я был до конца доволен своей работой на сцене.

Стать профессионалом в любом деле очень трудно. Но без этого жизнь теряет всякий смысл...

Николай Караченцов все чаще поглядывает на часы — он, как всегда, торопится. Наш диалог, казалось, закончился. Но Караченцов не пожалел еще трех минут, чтобы рассказать одну историю. Это, так сказать, реплика-эпилог:

— Рассказываю такую историю про Шалаяпина. В одной из своих ролей, в финале он поднимался по высокой лестнице, на вершине которой стоял трон, исполнял последний монолог и на этом троне умирал. И вот на одном спектакле, исполнив все, как надо, он вместо того, чтобы сесть на трон, загремел по лестнице вниз и затих на авансцене. Дали занавес, все подбежали к актеру — что случилось? Но Шалаяпин встал как ни в чем не бывало. Оказывается, произнося свой монолог, он заметил, что кто-то из зрителей галерки уронил программку, и она порхает над головами зрителей и может отвлечь их. Чтобы этого не произошло, Шалаяпину пришлось прибегнуть к такому чрезвычайному способу привлечения зрительского внимания. Тоже профессионализм!

Беседу вел
А. МАКСИМОВ.

1984 APR 25

Московская правда